

Фэйцуй и Чжэньчжу были очень сдержаны. Линь Ваньтин не просто была во дворе, а стояла на коленях во дворе. Она отказывалась подняться и продолжала говорить, что хочет извиниться перед Линь Чуцзю.

Извиниться?

Линь Чуцзю приехала в дом Мэн вчера. Если Линь Ваньтин действительно хотела извиниться, зачем было ждать до этого момента, пока приехал Сяо Тяньяо? Намерения Линь Ваньтин были очевидны. Губы Линь Чуцзю насмешливо изогнулись в улыбке и она повернулась к Сяо Тяньяо.

Линь Ваньтин использовала этот фокус прежде бесчисленное множество раз. Ей нравилось вести себя, как обиженный белый кролик перед наследным принцем, из-за чего прежняя Линь Чуцзю много раз оказывалась проигравшей.

Лицо Сяо Тяньяо осталось равнодушным. Как будто он ничего не слышал. Но Линь Чуцзю заметила тень отвращения и нетерпения в его глазах. Линь Чуцзю улыбнулась, ей не было дела до того, что думал Сяо Тяньяо. Но раз сейчас он испытывал отвращение, все обернется хорошо. В конце концов, ничто так не расстроит Линь Ваньтин, как использование ее «возлюбленного» в качестве орудия, которым можно ее кольнуть.

Линь Чуцзю не забирала своей руки к Сяо Тяньяо. Вместо этого она схватила его покрепче и потянула Сяо Тяньяо во двор.

*

Во дворе Линь Ваньтин стояла, как маленький белый кролик, которого пнули. Она встала на колени у главного входа во двор, а Шаньху и Маньяо стояли рядом с ней. Их широко распахнутые глаза глядели на Линь Ваньтин. С первого взгляда могло показаться будто служанки обижают этот слабый и нежный белый цветок лотоса.

Линь Ваньтин тоже привела с собой двух служанок, но ее служанки кались очень худыми и слабыми. И они тоже стояли на коленях, как и их хозяйка. Было действительно несложно вообразить, что здесь происходило.

Линь Чуцзю не остановилась и прямо подошла к Линь Ваньтин. Линь Ваньтин, похоже, почувствовала, что кто-то приближается. Поэтому она повернула голову, чтобы взглянуть. Затем тут же сказала: «Сестра, зять...»

«Ваньтин, в чем дело?» Если Линь Ваньтин хотелось поиграть, Линь Чуцзю, естественно, ей подыграет. Как бы то ни было, не она стояла на коленях, так что не ей и страдать.

«Сестра, я пришла извиниться. В прошлый раз я причинила тебе вред. Пожалуйста, прости меня, я не посмею больше так поступить». Линь Ваньтин была очень искусна в своих словах, было очевидно, что она репетировала их много раз. Она не забыла ни одной строчки. И, говоря, она со страхом смотрела на Сяо Тяньяо.

«Извиниться?» Линь Чуцзю рассмеялась, но не остановилась. Вместо этого она протянула руку и толкнула дверь, но Линь Ваньтин ее остановила: «Сестра, пожалуйста, подожди, ты можешь послушать, пока я не договорю?» Линь Чуцзю что, не видит, что она стоит на коленях у двери?

Линь Чуцзю остановилась и обернулась, чтобы посмотреть на Линь Ваньтин. Затем она

спросила с легкой насмешкой: «Что еще ты хочешь сказать? Ты сделала что-то еще, за что хочешь извиниться?»

«Сестра, это не...» Линь Ваньтин едва открыла рот, но Линь Чуцзю ее перебила: «Погоди минутку. Фэйцуй, принесите два стула, мы с ванье устали».

Фэйцуй и Чжэньчжу быстро отреагировали. Они тут же принесли два стула из ближайшей комнаты и поставили их перед главным входом во двор, где было очень удобно сидеть.

Когда они вдвоем сели, они напоминали императора и императрицу, принимающих извинения от подданного. Однако они оба просто элегантно присели и не обращали на Линь Ваньтин внимания.

Линь Ваньтин чуть не подавилась, однако не посмела возражать. Ей хотелось продолжать плакать, но она заметила, что Линь Чуцзю уничтожила эмоциональную атмосферу, которую она создала. Ей хотелось плакать, но она не могла продолжать плакать.

«Сестра...» Когда это слово Линь Ваньтин прозвучало, она намеренно сделала паузу. Затем она слегка закусила губы и подняла свое прекрасное лицо, чтобы посмотреть на Линь Чуцзю.

«Просто поторопись и скажи то, что хотела сказать. Мы с ванье устали. Мы хотим вернуться домой и отдохнуть», – сказала Линь Чуцзю и подняла руку, которая держала руку Сяо Тяньяо. Затем она стала лениво чистить свои ногти.

Казалось, будто Линь Чуцзю делает что-то обыкновенное, но это глубоко жалило Линь Ваньтин. Линь Ваньтин вонзила ногти в ладони. Она не могла выносить сцену, разворачивающуюся перед ней, поэтому она торопливо склонила голову. Чтобы скрыть поражение.

Линь Чуцзю втайне улыбнулась, она знала, что женщину может глубоко ранить только «возлюбленный».

Сяо Тяньяо покачал головой, но в его глазах мелькнула искра любви. Раз Линь Чуцзю хотелось поиграть, он поиграет вместе с ней. В конце концов, он уже потратил много времени.

Повернувшись, Сяо Тяньяо нежно заправил выбившуюся прядь волос Линь Чуцзю ей за ухо. Этот жест был очень бережным. Как будто Линь Чуцзю была редким сокровищем, которое рассыплется, если приложить слишком много силы.

Рука Сяо Тяньяо не была теплой, как у любого обычного человека.

Поэтому, когда его холодные пальцы коснулись мочки уха Линь Чуцзю, она вздрогнула. Ее сердце забилось чаще, а уши покраснели. Линь Чуцзю очень досадовала, но не могла сдержать рефлексов своего тела. Она хотела уклониться от руки Сяо Тяньяо. Но, когда она повернула голову, чтобы что-то сказать, она увидела, что глаза Сяо Тяньяо полны нежности. Она увидела свой образ в его глазах.

Линь Чуцзю запаниковала и торопливо отвела взгляд, но, когда она снова повернула голову, то увидела, что Линь Ваньтин совершенно потеряла контроль над собой.

За одно короткое мгновение Линь Чуцзю заставила Линь Ваньтин потерять голову. Линь Чуцзю отпустила руку Сяо Тяньяо и слегка отодвинулась от него. Затем она потихоньку вдохнула и сказала Линь Ваньтин: «Если это все, то мы уходим».

После этого она поднялась, чтобы уйти, но Линь Ваньтин не дала ей шанса.

«Сестра...» Линь Вантин встала с земли и, сделав несколько шагов, схватила Линь Чуцзю за юбку. «Сестра, ты солгала мне, чтобы я пошла в тюрьму за советом Божественного Доктора Мо. А потом ты использовала это, чтобы угрожать отцу. Но я тебя не обвиняла, так разве ты не можешь простить меня на этот раз?»

Линь Ваньтин говорила с Линь Чуцзю, но ее глаза время от времени поглядывали на Сяо Тяньяо.

Линь Чуцзю вообще не показывала, что ее это хоть как-то заботит. Линь Ваньтин могла соблазнять Сяо Тяньяо, сколько хочет. Мужчина, которого может соблазнить другая женщина, не стоит того, чтобы за него бороться.

Линь Чуцзю на самом деле не волновало, чего хочет Линь Ваньтин, но Линь Ваньтин просто напрашивалась, чтобы ее выставили. Линь Чуцзю не имела причин прощать ее.

«Скажи мне, что ты наделала, что тебя нужно прощать? К тому же, почему тебе нужно, чтобы я тебя простила? Ты хочешь, чтобы я тебя простила за соблазнение твоего зятя на глазах у всех?» Договорив, Линь Чуцзю показала на Сяо Тяньяо. На ее лице не было осторожности, которой она всегда отличалась.

«Нет, сестра, как ты можешь клеветать на меня? Я никогда не пыталась соблазнить своего зятя. Мой зять – бог войны Восточной страны. Я восхищаюсь им в душе, как всеми богами. Как ты можешь такое говорить? Сестра, мы с зятем невинны». Линь Ваньтин с готовностью объяснила это, чтобы доказать свою невинность, но она также намеренно поглядела на Сяо Тяньяо и сказала: «Брат, скажите скорее сестре, что мы невинны. Что я не соблазняла вас, как же я могла бы такое сделать?»

Взгляд Сяо Тяньяо остался равнодушным, он даже не взглянул на Линь Ваньтин. Линь Ваньтин не хотела сдаваться, поэтому поторопила Сяо Тяньяо: «Брат, вы не можете допустить, чтобы сестра неправильно нас понимала, когда между нами действительно ничего не было».

Однако, чем больше она говорила, тем больше люди неправильно понимали.